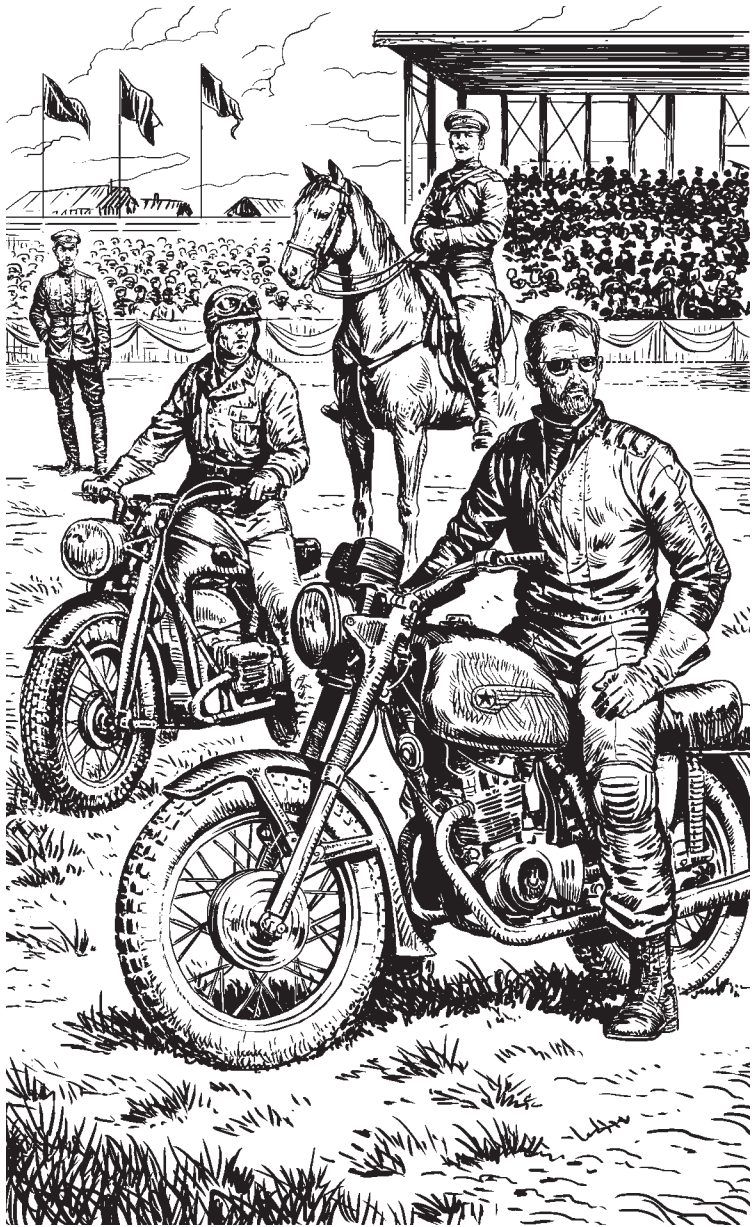

Книги Андрея Величко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Цикл
«ИНЖЕНЕР»

**ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО
КАНЦЛЕР
ИМПЕРИИ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 1992 году
Выпуск 779

Художник
И. Е. Воронин

Величко А. Ф.

В27 Канцлер империи: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 380 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1219-8

Несмотря на возраст, дядя Жора продолжает работать. А как иначе, если вокруг то метеорит упадет, то землетрясение приключится, если не чего похуже. И это не считая того, что Россия, как всегда, переживает очередной сложный период своей истории, да и у желающих ее низвести до средневекового состояния кончается терпение. То есть канцлеру остается только тащить свою ношу, лишь изредка позволяя себе помечтать о даче на Канарах, где, как в раю, среди помидоров и редиски будут во множестве гулять кошки, а во ржи пастись толстые мыши.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1219-8

© Величко А. Ф., 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Итак, позвольте представиться — Георгий Андреевич Найденов. Родился в вашем мире и там дожил до пятидесяти пяти лет, став ведущим инженером в одном НИИ, заслуженным изобретателем СССР, средним мотогогонщиком, правда, один раз ухитрившимся взять второе место в соревнованиях за кубок МФР. В конце концов, я стал довольно известным в Москве скутерным тюнингером дядей Жорой. Но все это было давно, полгода назад по вашему летоисчислению и восемь лет назад по моему...

Теперь я в основном подвигаюсь в другом мире, где к моменту моего появления шел 1899 год. Начал я тамошнюю карьеру с того, что помешал помереть наследнику престола великому князю Георгию Александровичу. И с тех пор он стал для меня просто Гошей. Некоторое время я прослужил там инженером — даже не ведущим, а просто. Затем вдруг как-то незаметно для себя самого я стал директором сразу нескольких заводов, но это продолжалось недолго, ибо пришлось податься в генералы. В этом качестве я самую малость повоевал на русско-японской войне, в результате чего мир был заключен в начале июля 1904 года, а не в августе 1905-го, как это было в вашем мире, и на гораздо более выгодных условиях, чем у вас.

Но тут так уж случилось, что царствовавший себе помаленьку Николай Второй взял и помер, и на трон пришлось садиться Гоше.

Помер Николай в результате не моих действий, а английских, но явно это было как-то связано с моим появлением в этом мире, поскольку там, где меня не было, то есть у вас, он был убит гораздо позже и совсем другими людьми.

Я даже попытался пару раз обратиться к собственной совести: мол, как же быть, я вроде бы косвенная причина? Но в первый раз совесть была в отгулах по случаю окончания японской войны и не ответила, а во второй — с похмелья после празднования победы в Черногории, так что она просто грубо послала меня по непечатному адресу. Больше я ее такой ерундой не беспокоил, ибо хватало куда более серьезных поводов.

Итак, на трон сел Гоша. Рядом примостилась его жена, ее величество императрица Российская, еще какая-то и, наконец, королева Курильская Мария Первая, то есть моя племянница Машенька. А я потихоньку устроился работать канцлером. Если кто не в курсе, это первый зам императора и второе лицо в империи. Ну вот и тружусь на этой должности уже почти четыре года... Так что добро пожаловать в Российскую империю, год 1908, месяц апрель, двадцать седьмое число.

ГЛАВА 1

Сегодня было тезоименитство его величества, а также день рождения его сына и моего внучатого племянника Вовочки, но для меня этот день представлял интерес лишь потому, что намечались гонки «Большой Георгиевский Приз», которые должны были стартовать через четыре часа. Приз действительно был большим: миллион тому, кто придет к финишу первым, сто тысяч — второму и десять — третьему. Но я там собирался принять участие не с целью подзаработать мелочь на карманные расходы, а из соображений престижа, то есть стать первым чемпионом. Все остальные будут уже потом и под номерами от двух и далее...

По дороге на трассу я заехал в кошкоприемный пункт, чтобы лично проверить, в каком виде туда приносят мелких хищников и как их потом содержат. Вообще-то мой комиссар уже проверял, но хотелось убедиться самому — действительно ли в человеческих условиях содержатся зверьки. Ибо если нет — затолкаю виновных в те самые клетки!

Но беспокоился я зря, хвостатые жили комфортно, а вновь принимаемые явно были пойманы без членовредительства. Вот как раз в моем присутствии два пацана принесли еще одну киску... Я лично оценил — хорошая кошечка, пойдет по первой категории, то есть за рубль. И вот вам, ребята, еще рубль от канцлера за усердие. Спасибо, что откликнулись!

Дело в том, что вот уже две недели как любой мог сдать в приемный пункт кошку и получить от пятнадцати копеек до рубля в зависимости от ее качества. А вот зачем они мне понадобились — это я расскажу чуть позже, после гонок.

Данные гонки были моей попыткой учинить в этом мире что-то наподобие Формулы-1. Трасса пока имела только одна, в Стрельне, но к следующим гонкам (а они будут проводиться по четным годам) свои трассы обещали сдать японцы и немцы. Ну и прочим это было не запрещено, но первый кубок будет разыгрываться в один этап.

Регламент был прост: к соревнованиям допускался транспорт с любым количеством колес, от одного до четырех, но с разными ограничениями. Для одноколесного болида было принято четыреста кубов объема и сто кило сухого веса, для двух — восемьсот кубов и двести кило, для трех — литр и полтонны, для четырех — полтора литра и восемьсот килограммов. Правда, в этой гонке собирались участвовать только агрегаты с четным числом колес. В частности, я должен был выступать на мотоцикле. Кроме меня там было довольно много приверженцев двухколесных средств передвижения.

Два японца выбрали московские мотоциклы АРН-3, которые по сути представляли собой ИЖ-56, только с рычажной вилкой вместо телескопа. Вся их подготовка к гонкам свелась к форсировке моторов сил до двадцати пяти, и серьезными соперниками они были только для американцев.

Тут не обошлось без меня. Это с моей подачи Харли и Дэвидсон разработали V-образную двойку воздушного охлаждения и с нее же раскручивали свои мотоциклы как «американскую мечту» — мне хотелось,

чтобы и тут она была примерно такой же, как у нас, то есть тяжелой, неповоротливой трясучкой с вечно перегревающимся задним цилиндром. И вот две эти длиннющие кошмарины приехали в Россию...

Немцы представили неплохой «цюндапп» с четырехцилиндровым движком водяного охлаждения, но из-за лимита веса у них получилась слишком хлипкая для такой мощности рама.

Автомобилей было мало: французский «морс», де-тище Ситроена, американский «бьюик», английский «нортон», который фактически был сдвоенным мотоциклом, и две московских «чайки». Вообще-то желающих заработать если не миллион, то хотя бы десять тысяч было куда больше, но для допуска к гонкам требовалось проехать шестикилометровую трассу не более чем за пять минут, причем не на халяву, а за пятьсот рублей, так что до старта были допущены только сравнительно приличные машины с терпимыми пилотами.

Мой мотоцикл представлял собой эксклюзивное изделие, которое, впрочем, после гонок планировалось запустить в малую серию и продавать за бешеные деньги. Диагональная рама, компактный и мощный двухцилиндровый движок, пятиступенчатая коробка... По меркам покинутого мной вашего мира, это был вполне себе средних параметров аппарат — еще бы, кого сейчас удивишь шестьюдесятью силами на сто семьдесят кило веса! Но по тем временам это было вне конкуренции.

Я собирался играть честно, и поэтому мотоцикл был полностью местным, без примесей контрабанды из двадцать первого века. А вот моя экипировка была вся оттуда, ибо в отличие от всех остальных гонщиков человек я пожилой, временами больной, а главное — совершенно не расположенный ломать свои кости.

На трассу я приехал за два часа до старта. Послушал рапорты: сначала начальника официальной охраны, потом Алафузова и, отдельно, командира противоснайперской группы,— все-таки гонки должно было открывать величество, да и сам я представлял для многих потенциальных террористов ничуть не меньший интерес. Потом выслушал донесения о своих соперниках, хотя главное я уже видел на тренировках: какое-то подобие опасности представлял только один из них. Зато его звали Пуришкевич...

Командой от АРНа занимался Рябушинский, я выступал сам от себя. Павел Павлович правильно оценил трассу и грамотно подготовил одну «чайку» — и без того достаточно низкая и широкая машина еще больше прижалась к земле, а вместо ее родного движка там торчал авиационный Т-2, форсированный до ста двадцати сил. Ресурса этой машины хватало кругов на двадцать, а если учесть, что гонка состояла из десяти, то понятно, почему вторая «чайка» представляла собой почти серийную машину, имевшую шансы на призовое место только в случае поломки моего мотоцикла, немецкого «цюндаппа» и машины Пуришкевича одновременно.

Выбор пилота, сделанный Рябушинским, был оправдан, ибо Пуришкевич оказался отличным водителем, как два года назад — отличным снайпером в Черногории. Кстати, вернулся он оттуда еще большим оппозиционером, чем был до войны, но только радикально сменившим направление ругани. Ранее он поливал нас с Гошей за неприятие либеральных ценностей, а теперь возмущался тем, что отстрел мешающих движению России вперед идет вяло, без огонька и должного размаха.

Кажется, пора одеваться... Я натянул свою экипировку «Ай-икс-эс», правда, шлем надел открытый —

есть у меня такой загиб, не люблю интегралов. Да и потом, что же это будет за Найденов, если зрители не увидят бороды и зеркальных очков!

Пора было выезжать, до начала Гошиной вступительной речи оставалось минуты две.

С квалификацией мне повезло — мой жребий оказался предпоследним, так что я уже знал время всех интересующих меня гонщиков и ехал так, чтобы гарантированно стартовать со второго места. Итак, вялый разгон, мимо трибун проезжаю на восьмидесяти, к концу двухкилометрового прямока имею чуть больше ста тридцати. Далее — плавная левая дуга, ее можно пройти вообще не сбрасывая скорости, но это я еще успею, а пока — по тормозам и сброс до сотни. После дуги — маленький прямик, потом змейка, по которой проползаю вообще на тридцати. За ней — очень вредная омегаобразная петля, потом короткая правая дуга, длинная левая и стартовый прямик. Я глянул на свой секундомер: четыре пятнадцать, так и есть, второе место. С первого должен был ехать Пуришкевич с его временем три пятьдесят.

Стартовал я эффектно, то есть мимо трибун проехал на заднем колесе. Пока я так выделялся, Пуришкевич чуть не проскочил вперед, так что в первую дугу входить пришлось на предельной скорости. Но я прошел, причем на выходе из нее успел полюбоваться, как едущую за мной «чайку» чуть не выкинуло с трассы, и завиял в змейке. То есть пока, если не считать небольшого рывка, я ехал вполсилы — зрители должны были увидеть борьбу. Вот, значит, имитируя ее, я и прокатился пять кругов, имея на хвосте периодически пытавшегося обогнать меня Пуришкевича. Нет, что творит, однако!

«Чайка» вошла в последнюю дугу по внешнему краю и, немилосердно виляя заносимым задом, начала обгон. Буквально в метре справа сверкнули очки Пуришкевича. Ну его в болото, подумал я и чуть сбросил газ — пусть едет вперед, а то еще заденет, с него станется...

Трибуны неистовствовали, когда мимо них пронеслась истошно воющая мотором «чайка» — теперь она шла первой. На прямойке ее не обгонишь, но впереди дуга! Пуришкевич сбросил скорость... Ну а теперь смотри, дорогой, как люди ездят!

Мотоцикл послушно лег на бок. Вообще-то его заметно водило, все-таки рама рамой, но вилка и маятник тоже имеют значение, а сделать их по стандартам двадцать первого века не получилось. Но ничего, ехать можно... В коленном слайдере у меня была титановая вставка, и сейчас и Пуришкевич и зрители могли видеть длинный сноп искр.

Дуга кончалась, и я легким движением руля внутрь круга выпрямил мотоцикл — да, вот такие парадоксы имеются в езде с глубокими кренами. Теперь — змейка, она далеко от трибун, да и Пуришкевич отстал, так что можно особо не выеживаться. Потом «омега» и, наконец, последняя перед прямойкой дуга. Ее я прошел на пределе, чтобы промчаться мимо трибун на полной скорости — а это где-то под двести. Перед поворотом налево чуть тормознул и снова положил машину на бок...

Должен заметить, что прохождение дуги с уменьшающимся к концу радиусом имеет одну тонкость: скорость входа надо выбирать заранее, на боку много не натормозишь, а вот правильный ли был выбор, прояснится только в конце! Если перебор — то в лучшем случае это вылет за трассу, но вообще-то запросто можно и разложиться. Так вот, в конце я увидел, что скорость

была выбрана впритык: проехать можно, но именно там, куда я планировал направить свою траекторию, на асфальте нагло расположился черный след резины. Ведь не было же его в прошлом круге, это Пуришкевич тут напачкал, вот ведь гад очкастый! Как-то, у самого края, но мне удалось удержаться на трассе. Руки стали чуть ватными, на лбу появился пот...

Блин, на гонках в том мире я иногда выдерживал по три-четыре таких ситуации, а тут поплыл после первой... Все, кончаю пижонить, дальше еду осторожней.

Хоть я больше и не рисковал, но к концу гонки обошел Пуришкевича больше, чем на полкруга. Остальных — на круг-два, за исключением «нортон», который вообще развалился. После чего подождал в боксе минут пятнадцать, потом постоял маленько на подиуме, спрятал в карман чек на миллион и уехал. Меня ждал посланник английского короля Эдуарда Седьмого, и мне было даже интересно, с чем тот пожаловал...

В прошлом году мы через третьи руки намекнули королю Эдику, что Найденов готов малость помочь ему в смысле поправки здоровья, и тот быстро откликнулся. Написал, что в качестве аванса согласен как-то, в меру своих возможностей, повлиять на кабинет министров. Чтоб, значит, этот кабинет начал полаяльнее относиться к России. И, что удивительно, тот действительно начал! Я был в некотором недоумении — наверняка ведь готовят какую-то пакость, а иначе зачем бы снимать как явные, так и тайные ограничения на наш экспорт! И вот теперь в Гатчину приехал личный посланец короля.

Приведя себя в порядок после гонок, я велел запускать гостя. Он нес с собой подарок от короля Эдика, и я, не желая лишать себя сюрприза, не стал спрашивать у охраны, что там, хотя подарок по определению был тщательно изучен. Бомбы нет — и ладно...

Посланец представился, поздравил с только что случившимся чемпионством и театральным движением сорвал тряпку, закрывающую что-то размером со шляпную коробку...

Поначалу мне показалось, что в клетке кошка, и я еще подумал, удобно ли будет дать посланцу рубль, в свете моих распоряжений. Но потом присмотрелся...

Господи помилуй, мысленно возопил я, да что же это за страна такая! Ладно, рвутся они к мировому господству, так это дело в общем-то житейское, с кем не бывает. Но кошек-то зачем мучить?!

Сидевшее в клетке существо более всего напоминало гибрид летучей мыши с обезьяной. Почти голое тело с короткой и редкой шерстью, тонкая морщинистая шея, практически крысиный хвостик, черные круги под глазами... Я почувствовал большое желание вынуть уродца из клетки и с размаху надеть оную на уши англичанину. Если бы у меня была хоть тень подозрения, что конкретно этот причастен к такому издевательству над природой, то, ей-богу, я бы так и поступил.

— Девонширский рекс! — торжественно сообщил мне посланец.

Рекс грустно таращил на меня большие глаза из-под огромных ушей и мелко дрожал — холодно ему, поди, с его-то пародией на шерсть... А посланец тем временем сообщил, что Эдуард, движимый лучшими чувствами и знающий о моем интересе к кошкам, решил сделать самый ценный подарок, какой смог. Это порода только что выведена, и таких зверей в мире всего три штуки!

Я мысленно перевел его дифирамбы. У англов два таких разнополых уродца, этот им не нужен, значит, он кот, вторая кошка пригодилась бы.

Вызвав горничного и велел ему накормить, обогреть и вообще обиходить существо, только не пока-

зывать его моей кошке, а то как бы за крысу не приняла, я продолжил слушать англичанина, который теперь распинался о том, как страдает король Эдик от иногда случающихся недоразумений между Великобританией и Россией. И как движимый черт знает чем — я и слова-то такого английского не знал, — он готов лично приехать в Россию, чтобы улучшить и углубить. То есть, продолжал я свой перевод, или у короля обострились нелады со здоровьем, или задумана очередная пакость в наш адрес. А скорее всего и то и другое...

Король в данный момент пребывает на борту своей яхты, продолжил посланец, и ждет только сигнала о том, что его порыв встретил понимание в русском руководстве, чтобы отплыть в Петербург.

— Давайте частоты и позывные, — предложил я, — и этот сигнал будет передан прямо сейчас.

Вообще-то мы их и так знали, но пользоваться пока не спешили, пусть англы их нам официально дадут. Но посланник короля почему-то был не в курсе таких тонкостей и хотел отправить телеграмму из посольства. Дикие люди, подумал я, надо будет Эдику светодиодный фонарик подарить, и вызвал дежурного адъютанта, чтобы он проводил гостя в его посольство.

Эдик приплыл через неделю и сразу после парадной встречи отправился в Гатчину. Эк тебя приперло-то, хмыкнул я, глядя на его походку с одышкой, неестественный цвет лица и мешки под глазами. Похоже, тут ты и оставшихся тебе двух лет не протянешь... Король же глядел на меня с изумлением и завистью, ибо с момента нашей предыдущей встречи, что была пять лет назад, я ничуть не изменился.

Я вызвал Василия Акимова. После японской войны у того проявилось странное свойство: он как-то чувствовал, если человеку предстоит скоро помереть. Что касается японцев, тут было все понятно — а чего бы и не

почувствовать, если смотришь на него через прицел! — то по отношению ко всем остальным это рассматривалось как необъяснимое, но проверенное явление.

Пока Акимов шел, король развлекал меня светской беседой. Но вот дзинькнул селектор, я нажал кнопку, и к нам вошел Василий. Мельком глянул на Эдика (тот воззрился на него с изумлением) и подал мне пакет.

— Извините, ваше величество,— сказал я,— это буквально на полминуты.

Вообще-то хватило пяти секунд — Василий подал знак: «Точно вижу, не жилец», и вышел.

— Просто удивительно,— сказал мне Эдик,— до чего этот офицер похож на моего сына, Георга!

Я покивал. Мол, бывает, а потом резко сменил тему:

— Ваше величество, я восхищен вашим самообладанием. Не каждый может на пороге смерти так непринужденно болтать о пустяках... — Эдик начал стремительно бледнеть.— Но,— продолжил я,— может, не будем тратить время, которого и так уже почти не осталось? К сеансу лечения все готово. Если вы согласны, то можно приступить прямо сейчас.

В специально отведенной комнате я скормил королю две таблетки снотворного и, уложив английское величество на каталку, позвонил Гоше, чтоб приезжал.

Мы с императором быстро скатали сонного короля через портал, после чего величество отбыло к себе, а я, оставив Эдика дрыхнуть, занялся текучкой. Спал он аж до следующего обеда, но зато проснулся просто другим человеком! От избытка сил он даже пробежал полпролета вверх по лестнице, что, как он сам мне сказал, было недоступно ему уже лет пять. В общем, было видно, что клиент созрел.

— Ну вот, ваше величество,— сообщил ему я,— теперь года два вы можете вообще не думать о своем здо-

ровье, а может, даже и три. Нервничать не будете — так и все четыре проживете!

— А... — попытался было что-то вякнуть король.

— А для полного оздоровления нужен не один сеанс, а четыре-пять с полугодовыми перерывами. И потом раз в два года для профилактики. При таком режиме можете до ста тридцати лет прожить — во всяком случае, моему деду недавно как раз столько стукнуло, а он помирать не собирается. Но, увы, сложности, особенно внешнеполитические, отнимают столько времени, что обещать вам всего вышеперечисленного я, еще раз увы, не могу... Кстати, а вам ваша разведка про моего деда разве не говорила? Наверняка ведь знают, но скрывают, нехорошие люди. Не уважают они вас. Попробовала бы моя мне чего-нибудь не сказать!

Для дозревания королю потребовалось не больше пяти минут.

— Господин Найденев,— негромко спросил он по истечении этого срока,— я правильно понял ваш намек, что...

— Абсолютно правильно. Мои друзья — все без исключения — живут очень долго. Так что для начала не ознакомите ли меня с тем, что вас просил довести до моего сведения премьер?

— Он предлагает вам, в качестве жеста доброй воли, возможность пользоваться бухтой Вэйхавэй для зимовок дальневосточного флота, а также принять участие в совместной разработке новых южноафриканских алмазных месторождений.

— Какой замечательный порыв,— усмехнулся я,— но вот теперь, чисто по-дружески, расскажите-ка мне, что все это означает на самом деле.

Эдик глубоко вздохнул, прокашлялся и начал...

ГЛАВА 2

Класс, думал я, глядя на его величество Эдика. Как врет, нет, вы посмотрите, как врет! Именно «как», а не «что». Ведь если человек всю свою жизнь брешет со светским выражением на лице, то, когда он с тем же выражением вдруг объявит, что начиная со следующего слова пойдет чистая правда... Некоторые могут не поверить. Поэтому Эдик краснел, бледнел, хватался за сердце, что выглядело некоторым перебором, ибо с данным органом у него было терпимо и до путешествия через портал, и раскатывал второй слой своей легенды. То, что это именно легенда, сомнений у меня не вызывало. Если отвлечься от небольших переигрываний оратора, такого, чтобы сказанное им сейчас было правдой, просто не могло быть — однослойные легенды бывают только при разборках шпаны на районном уровне. Ведь англы знали, что я подлечу короля! И наверняка догадывались, чего попрошу взамен...

А пока Эдик излагал мне коварный план английского кабинета. Мол, когда доверчивые мы с размаху вляпаемся в созданные нам в Китае и Южной Африке преференции, то японцы и немцы, коим их не достанется, почувствуют себя обиженными, а парочка провокаций, конкретику по которым Эдик пока не знает, но не пожалеет сил для выяснения, усугубит процесс... То есть имелся в виду подкоп под русско-германо-японскую дружбу.

— Замечательно, я даже не знаю, как выразить вам свою признательность! Вы мне просто глаза открыли... Вот только маленькое замечание: сердце не там, за куда вы хватаетесь, а правее и выше, а так все великолепно. Но не окажете ли нам с супругой честь — отобедать в нашем обществе? Тем более что вам теперь можно не только пресную овсянку.

Обед был накрыт тут же, в Гатчинском дворце, и

Мари, которая вообще-то жила в Зимнем, уже ждала нас с королем. Мне было даже интересно, как она справилась с поставленной перед ней задачей... Ну ничего, минуты через три посмотрим.

Мы с Эдиком были женаты на сестрах, его Александра на три года старше моей Дагмары, а вообще-то сестры были весьма похожи. То, что Эдик прекрасно помнит внешность своей престарелой половины, сомнений не вызывало. Так пусть теперь посмотрит, как выглядит ее сестра, которая всего на три года младше!

Увидев Мари, Эдик впал в ступор. Уж в чем-чем, а в женщинах он был крупным специалистом и не мог не заметить, что вызывающая молодость Мари не есть результат деятельности гримеров и парикмахеров! Даже я где-то с полминуты вынужден был бороться с желанием оставить короля жрать в одиночестве, а Мари пригласить в расположенное через три комнаты помещение, где имелось все необходимое для исполнения супружеского долга.

После обеда эстафету по охмурению Эдика перехватила ее величество Мария Федоровна. Мне и то было видно, что она наслаждается тем, как король, глядя на нее, вспоминает свою старую мымру и морщится.

Надо будет потом поревновать маленько, а то как бы Мари не обиделась, подумал я, когда английское величество в сопровождении моей половины отбыли к нему на яхту. Посмотреть то ли какие-то новые картины Рафаэля, то ли вовсе ируканские ковры... Впрочем, у Мари имелся цифровой диктофон в виде украшенного бриллиантами медальона с портретом Александра Третьего, так что можно будет потом послушать конкретику. Интересно, третий слой легенды у англичан есть или сразу после второго пойдет правда?

Так, подумал я, что должен делать муж, у которого жена сбежала с каким-то проезжим королем? Прави-

льно, тут же наострить лыжи налево и, желательно, тоже к королеве. Но таковая в России всего одна, и к ней мне как раз и надо! Так что пора двигать в Зимний, к племяннице и пасынку — пусть внесут ясность в некоторые аспекты одной животрепещущей проблемы.

Когда осенью прошлого года в кабинете Моргана вдруг начали рваться снаряды с ядовитыми осколками, погибли почти все там находившиеся. Но секретарь самого Моргана первым взрывом как-то случайно был не задет, а второй и последующие переживал уже под диваном в дальнем конце кабинета. Так что осколок ему достался всего один, маленький и с незначительным количеством яда, а диван от последовавших за осколочными зажигательных снарядов загорелся сверху и как-то вяло, так что оно секретаря успели доставить в больницу, хоть и в тяжелейшем состоянии. За неделю, в течение которой его состояние смогло улучшиться до просто тяжелого, Танечка успела подготовить и провести блестящую операцию.

От мексиканского яда, приготовленного нашими биохимиками, отравленный становился черно-синим оскаленным страшилищем, непохожим не то что на себя при жизни, а и вообще на человека, так что задача поиска донора для подходящего трупа сводилась лишь к приблизительному сходству с оригиналом. В общем, пациента одним прекрасным утром нашли мертвым, а лечащий врач сбежал, вызвав вполне оправданные подозрения полиции. Правда, его поиски не увенчались успехом, ибо на триста метров никто еще нырять не умел. Может, с ним и поступили бы погуманнее, будь он не таким жадюгой, но Танечка вполне обоснованно решила, что врач, берущий взятку аж в двести пятьдесят тысяч, пусть лучше спокойно полежит на дне, а не позорит славное сословие целителей своим существованием. Наши вон за голый оклад ухитрились довоз-

ти так и норовящего помереть секретаря аж до Гатчины! А теперь его здоровье улучшилось настолько, что можно было приступить к разработке, за направлением которой я и ехал к двум главным финансистам Российской империи.

В холле Машиных покоев обнаружилось новшество, а именно: наконец-то дописанная картина Сурикова «Покушение». Однако, присмотрелся я, что-то оно мне напоминает... Точно, Делакура, «Свобода на баррикадах»! Во всяком случае, поза императрицы-королевы была очень похожа: на картине Маша указывала спасателям на дымящиеся развалины с торчащими из-под груды кирпича чьими-то окровавленными ногами. Наряд императрицы был чуть скромнее, чем у дамы на французской картине, но самую малость и только в верхней части. Снизу же — наоборот, ибо по легенде Машина повязка была сделана из нижней части подола юбки, а потом остатки той юбки ушли на перевязки прочих жертв артобстрела с Невы. В общем, пока не схлынул слепопокушенческий бардак, племянница красовалась в самой настоящей мини и была в ней неоднократно сфотографирована...

— Эх, не того ты маленько секретаря прихватил, — сокрушенно заметила мне племянница.

— Остальные вовсе мертвые были, — напомнил ей я.

— Да что уж тут поделаешь... Просто поведение моргановской империи после смерти ее главы более или менее предсказуемо, а вот в наследстве Шихта с Варбургом происходят интересные вещи...

— Как там Вилли? Переживает? — поинтересовался Гоша.

Брат одного из находившихся в обстрелянном кабинете, Макс Варбург, до недавнего времени был главой Гамбургского банка. Его фамилия фигурировала в списке людей, финансирующих антироссийские по-

ползновения в Германии, так что кайзер лично подписал ордер на его арест. Ведь говорил же я ему, что нельзя лишать тайную полицию следственных функций, оставляя ей только оперативные! В результате, едва оказавшись в вожделенных руках юстиции, Макс тут же сбежал в Штаты. Кайзер озверел, расширил полномочия гестапо и даже попросил меня прислать бригаду следователей для помощи его растяпам, расследующим этот вопиющий факт. Бригада была послана под видом китайских беженцев, сразу по пересечении границы «арестована» и сейчас пребывала в Моабите, где учила немцев правильному обращению с подследственными. В общем, Вилли переживал в нужном направлении, о чем я и сообщил Гоше. И спросил, как он там, кризис-то? Почему его не было?

— Так ведь кризис — дело тонкое! — развеселилась Маша. — Его надо в спокойной обстановке готовить, вдумчиво, не отвлекаясь на сиюминутное... А тут пришел дядя Жора с пушкой и начал в окна палить. Жаль, что порталы открываются только в текущее время. А то смотаться бы тебе в самое начало две тысячи восьмого года и тоже бабахнуть, люди бы спасибо сказали.

— Не, — мотнул головой я, — там уже так все запущено, что никаких снарядов не хватит. А здесь что, грохнули этих и все само собой стабилизировалось?

— Почти, — подтвердил Гоша. — Ведь как оно началось? Стараниями Шиффа у третьего по величине финансового игрока, «Кникербокер траст», начались трудности. А стараниями Моргана они потихоньку росли... В конце октября «Кникербокер» должен был лопнуть, потянув за собой многих других, ну а потом пришел бы Морган весь в белом... Кто же знал, что к Нью-Йорку уже тянутся косяки перелетных снарядов? Так что в белом теперь Альперович. Правда, целиком купить «Кникер» мы не рискнули, больно уж

подозрительно, но Мося таки его вытащил с того света, и теперь он не последняя шишка в тамошнем совете директоров. Ну и, возвращаясь к сегодняшним реалиям, этот твой секретарь к сотрудничеству-то готов? Можно у нас в Зимнем использовать, или к тебе народ для работы с ним посылать?

— Ну, величество, ты и даешь... — поразился я.— Где у тебя тут камеры с видеонаблюдением? А вдруг заартачится. Что, всякий раз его ко мне возить, потому как у тебя ни специалистов, ни инструмента? Нет уж, пусть сидит где сидел, не будем травмировать человека сменной места, поди, привык уже. Ваши пускай ко мне ездят...

— Ладно, сойдет,— кивнула Маша.— А можно мне в порядке чисто женского любопытства поинтересоваться, куда тебе столько кошек? Я поначалу думала, что ты какие-то эксперименты с порталом хочешь производить, так ведь в «Транзит» и половины не влезет!

— Не вечно же будет получаться вашими спекуляциями деньгу зашибать, нужно и о долговременном реальном доходе для России подумать! — пояснил я.

— Доход — с кошек?! — поразилась Маша.

— Нет, ну до чего всеобщее падение нравов дошло,— закручинился я,— родная племянница и то про доход с ценных бумаг все понимает, хотя по сути это даже не пипифакс, а нечто воображаемое, а вот про доход со вполне реальных существ, коими являются кошки,— нет! Ладно уж, пиво у вас сегодня хорошее, так что слушайте лекцию про реальную экономику.

Я додегустировал бутылку до конца, открыл следующую и начал просвещать молодежь.

Итак, прошлой осенью ко мне на прием пришли три демобилизующихся калединских ветерана, сибиряки-снайперы, участники японской и черногорской войн — тем более что для данной категории населения

попасть на тот самый прием особых трудностей не представляло, — и поделились идеей...

Вот, значит, есть самолет «Кошка». И в тот самолет, если он с широким фюзеляжем, много чего влезет: сотня обычных кошек, например. А еще в тайге есть зверь, который называется соболь. Шкура у него очень ценная, но добывать соболя трудно, а главное — от той добычи их становится все меньше и меньше, ибо у самки соболя из помета выживает в среднем только один-два детеныша. Хотя рождается порядка пяти!

И ветераны предложили организовать в тайге факторию по разведению соболей.

Пусть, мол, по осени оттуда расходятся, а куда подальше и разлетаются охотники, чтобы разведать соболиные гнезда. Строят заимки, завозят туда кошек и, когда соболихи окотятся, забирают у них лишних детенышей, оставляя одного. А кошки будут их выкармливать, им нетрудно! В процессе поисков охотники смогут и еще чем-нибудь полезным заняться, золото в ручьях мыть, например. Прокормятся охотой, ну и какие-то запасы самолет сможет подкинуть. А после ледостава на заимку прилетит самолет и увезет соболин timer для выращивания на центральной ферме. Там поселятся семьи охотников, а регулярные авиарейсы обеспечат связь с ближайшим городом. Кто-то там и крестьянствовать захочет, ибо возить продукты никуда не надо, их и на месте найдется кому купить. Вот только сделать бы так, предложили охотники, чтобы та «Кошка» могла садиться и на землю, и на воду. Сделаем, сказал я и велел собирать добровольцев.

— Так что вот, — закончил я, — перед вами главный акционер ЗАО «Котофей». Остальные акционеры — это непосредственные участники проекта, их вкла-

ды — сама идея и труд по ее осуществлению. А любого, кто вздумает каким-то образом торговать какими-то бумагами, имеющими хоть отдаленное отношение к «Котофею», я сгною лично.

— Ага,— задумалась Маша,— тут мне недавно какой-то энтузиаст проект плотины через Берингов пролив прислал, а я ведь помню, читала что-то такое — в этом случае климат в Нью-Йорке станет как на Сахалине. Надо будет это дело слегка профинансировать, пусть янки шкурки про запас покупают, пока те не подорожали. И утечку про это в газеты надо организовать...

— Совсем у тебя с этими вашими консалтингами мозги заплесневели,— укорил я племянницу.— Зачем же так топорно работать? Всего-то и надо, что статью в солидный журнал от какого-нибудь ученого средней известности, где тот докажет, будто данная плотина на климат никак повлиять не сможет. Вот и все, остальное клиенты прекрасно доделают сами.

— А чертежи кошконесущих самолетов у тебя уже есть? — поинтересовался Гоша.

— Не только чертежи, есть два уже готовых. А что, продать кому-нибудь хочешь?

— Скорее просто подарить. Тут у меня турецкий посол был, так якобы мимоходом спрашивал: а зачем канцлеру кошки? Мол, Турция всегда готова помочь, но хотелось бы знать, чему именно!

— Думаешь, кто-то поверит, что этих хвостатых можно сбрасывать на врага?

— Сам же учил меня не недооценивать человечество, оно и не в такое ухитрилось верить. Распустить слух, будто после четырехмесячного обучения по твоей методике кошка без лишнего мява вцепляется в горло разговаривающему при ней по-турецки, и больше ничего не надо, разве что про ядовитые зубы доба-

вить. А то эти янычары совсем обнаглели — открытым текстом намекают, что у англичан арендная плата за их Дарданеллы выше! Я им, правда, в ответ пример американцев на Панамском перешейке привел, так что пока угомонились. А кошки от полета у тебя не передохнут?

— Моя же не передохла, хотя уже несколько раз летала,— пожал плечами я.— А в кошконесущих самолетах усилена звукоизоляция салона и на моторах стоят хоть и примитивные, но глушители. Меня больше интересовало, как бы соболя от полета не того... Но охотники говорят, дескать, шума, что его окружает с рождения, соболенок потом не боится. У кого-то они дома росли и на гавканье собак впоследствии никак не реагировали. А на заимках будут бензогенераторы — это и электричество, и шум моторов, пусть зверьки к нему с детства привыкают.

Маша в это время лихорадочно рылась в своем ноутбуке, пытаясь найти фотографию соболя.

— Нету,— разочарованно сказала она,— есть ласка, но это просто крысеныш какой-то. На что он вообще похож, этот пушной зверек?

— Небольшой песец,— предположил Гоша.

— Неполный,— уточнил я.— Зверь размером с кошку, но с мордой, как у маленькой собачки.

Зазвонил телефон.

— Тебя,— передал мне трубку Гоша.

На том конце провода была Мари, она сопровождала английского короля в Гатчину и теперь предлагала мне побыстрее ехать туда, если я хочу с ней увидеться, а то ей уже пора к дочке.

— И как король, созрел? — поинтересовался я.

— Думаю, да, но ты уж сам посмотришь. Так мне тебя ждать?

— Не надо, — принял решение я, — заночую сегодня в Зимнем, так что, наоборот, это я тебя жду.

— А Эдуард? — не поняла Мари.

— Дорогая, для чего я, по-твоему, женился — чтобы спать с королем Эдиком? Перебьется.

ГЛАВА 3

Поздним вечером мы с величием успели еще где-то с полчаса побеседовать про оружие, а точнее — про будущий закон о нем. Судя по всему, для Гоши это был не экспромт.

— Мне кажется, — заявил он, — что существует два допустимых пути решения этой проблемы. Первый — государство запрещает своим гражданам иметь оружие. Но при этом берет на себя гарантии безопасности этих самых граждан. Не в том смысле, что насильственных преступлений не будет, это недостижимо, а просто оно принимает на себя обязанности страховщика. То есть ограбили кого-нибудь — государство тут же возмещает ему стоимость изъятого, компенсирует моральный ущерб, упущенную выгоду и вообще все, в чем этот кто-то потерпел убыток. А потом начинает ловить бандитов... Если же оно, запретив иметь оружие, не берет на себя таких обязательств, то это значит, что для него народ — это не граждане, а скотина. Ну или рабы... — Тут он замолчал и посмотрел на меня.

— Думал, возражать буду? Да нет, я, в общем, тоже примерно так считаю, — кивнул я.

— Второй, — продолжил Гоша, — государство сразу заявляет, что ни обеспечить стопроцентную безопасность, ни такую же компенсацию ущерба оно не может. И потому разрешает гражданам ходить вооруженными, оставляя за собой лишь надзорные функции по

применению этого оружия. И какой, по твоему мнению, путь более приемлемый для России?

— Разумеется, второй,— несколько даже удивился я.— Даже если забыть, что на первый у нас элементарно не хватит денег, то все равно он плох тем, что поощряет в народе соответствующие настроения. Дескать, мне государство должно по жизни! А потом будем удивляться, с чего это либерасты так расплодились.

— Но при этом мы ставим граждан в неравные условия,— заметил император.— Вот, предположим, повстречается грабителям... ну, твой Акимов, например. Так они у него и пикнуть не успеют! А вот, скажем, тот же Циолковский... Думаешь, ему ПФ в кармане сильно поможет?

— Ты, пожалуйста, божий дар с яичницей не путай. Наше дело — дать человеку возможность защищать себя и своих близких, а уж как он ею будет пользоваться — его дело. Но, пожалуй, для тех, кто по состоянию здоровья защищаться сам не в состоянии, надо будет со временем действительно ввести какую-то государственную страховку. Для слепых там или безруких-безногих... А если у человека от избытка гуманизма руки трясутся и очки запотевают, так мы-то тут при чем?

— Но какие-то ограничения ввести надо?

— Пушки гражданам ни к чему и автоматы с пулеметами, пожалуй, тоже,— задумался я,— а остальное, наверное, и ограничивать не надо... Вот только на откуп местным властям этого отдавать нельзя. И, может, хватит на сегодня? Нас, между прочим, обоих жены ждут.

Наутро я завтракал уже в Гатчине, за компанию с его величеством Эдуардом Седьмым. Английское величество чувствовало себя как на иголках и, наконец, не выдержало:

— Господин канцлер, не будете ли вы так любезны

просветить меня, по каким признакам вы производите людей в свои друзья?

— Мои друзья говорят мне только правду,— пояснил я,— но это процесс постепенный. Скажем, в беседе со мной кто-то не соврал, хотя и мог. Ну недоговорил, понятно, но все равно — хороший человек. Если хороший человек год таким и остается, то это уже приятель. Ну а приятель с двухлетним стажем уже называется друг... Это, так сказать, эволюционный путь. Но есть и революционный. Это когда я сижу и ничего не подозреваю, а кто-нибудь раз — и совершенно бескорыстно спасает меня от нешуточных неприятностей! Как кайзер в четвертом году. Без его явной внешнеполитической поддержки Россия вполне могла получить затяжную войну с японцами. Так что в данный момент я горд, что имею честь беседовать с хорошим человеком Эдуардом.

Несмотря на многолетний стаж хорошего человека в лицедействе, на его лице мелькнула тень мысли, которую я для себя перевел так: «Эх, повесить бы нагльца». Но ведь здоровье-то не казенное! И Эдик неуверенно сказал:

— Вы знаете, мне кажется, что и якобы настоящий план кабинета относительно Китая и Южной Африки тоже на самом деле имеет отвлекающий характер... Но клянусь — в Китае действительно что-то задумано! И единственное, что я могу сказать, оно как-то связано с одним китайцем, который до недавнего времени пребывал в Токио, а сейчас перебрался в Гонконг. У него еще какая-то странная для китайца фамилия, кажется, Янсен.

Ага, подумал я, кто же это у нас там такой норвежский в Поднебесной завелся? Е-мое, да небось отец китайского народа Сунь Ятсен! Блин, этот сможет,

если захочет. А уж когда ему денег подкинут и оружия...

— Давайте договоримся так,— предложил я.— Для подготовки вашего глубокого оздоровления нужно время, не менее полугода. Так что я начинаю готовиться, а вы обращайтесь внимание на любую мелочь, имеющую отношение к Китаю и вокруг... Только осторожнее. Надеюсь, вы понимаете, что стоит тем людям заподозрить вас в двойной игре — и вы покойник?

— Понимаю,— кивнул Эдик,— временами я даже завидовал тому, как у вас поставлена охрана первых лиц государства.

— Кстати, а вам-то что мешает организовать нечто подобное? — предложил я.

— Деньги. Вопреки расхожему мнению права короля у нас весьма широки, он может объявлять войну, распускать парламент, назначать премьера, причем хоть последнего босяка с улицы... Но вот деньгами он не распоряжается.

— А право помилования у него есть? — поинтересовался я.

— Да, конечно.

— А по частоте оно ограничено? Ну например, сколько раз в день вы его можете объявлять?

— Не знаю,— задумался Эдик,— вроде ограниченный нет... Но к чему это?

— А вот представьте себе картину. Не хочет какая-то сволочь давать денег своему законному сюзеру! К ней приходят верные офицеры короля, числом десятка два, и вешают сволочь на люстре в ее же, сволочи, кабинете. Потом бегом бегут к судье, мгновенно во всем признаются, отказываются от суда присяжных и адвоката. Судья быстренько прописывает им веревку, а потом лезет в стол и достает оттуда ваше помилование. Офицеры жмут ему руку и отправляются к сле-

дующей сволочи... Это я, конечно, утрирую, но если вы хотите иметь действительно надежную охрану, то подсудна она должна быть только вам.

После завтрака Эдик отплыл в свою Англию.

А через десять дней секретарь открыл передо мной дверь одного из кабинетов северного, то есть правительственного, крыла Зимнего дворца.

— Разрешите, Иосиф Виссарионович? — спросил я, заходя.

Хозяин кабинета отложил бумаги, которые изучал до моего прихода, взял трубку и, кивнув мне «да, пожалуйста», начал ее набивать.

Я сел напротив него и поинтересовался:

— Последнюю работу Владимира Ильича вы уже читали?

— Читаю,— Сталин показал трубкой на лежащие перед ним бумаги,— а к вам, значит, она попала раньше, чем ко мне?

— Разумеется, Гатчина же почти на тридцать километров ближе к Женеве, чем Зимний.

То, что статья написана по моим тезисам, которые я, в свою очередь, надыбал в ленинских же работах, но только более позднего периода, я уточнять не стал.

— И что вас в ней так заинтересовало? — прищурился генеральный комиссар по делам национальностей.

— Сама идея о том, что пролетарская революция в настоящее время может произойти не в самой промышленно развитой империалистической стране, а в той, которая благодаря пережиткам феодализма является слабым звеном в цепи,— пояснил я.

— Но в статье еще указывается, что необходимым условием для революции становится и неспособность верхов править по-старому. Ленин определил это как

«импотентность власти». Из чего я делаю вывод, что вы имеете в виду не Россию, так как тут вашими стараниями, которые я, кстати, далеко не все одобряю, власть последнее время... Чуть пошевелишься, тут же в позу поставит, какая уж тут импотентность.

— Ну это вы мне льстите, до такой благодной картины еще далеко, так что давайте продолжим разбор статьи. Дальше там идет тезис о поэтапности революции в таких условиях: то есть сначала буржуазная в союзе с буржуазией и всем крестьянством, а затем пролетарская — против буржуазии в союзе с беднейшим крестьянством. Так?

— Так,— кивнул Сталин.— Тут есть хорошая аналогия с двумя кучами мусора, которые лучше вывозить по очереди.

— В данный момент партия ведет большую работу в Ирландии,— продолжил я,— но тамошние условия сильно осложняются религиозными проблемами, а также почти полным отсутствием пережитков феодализма. Так что, не прекращая работы в том направлении, не расширить ли ее еще на одну страну, обстановка в которой почти идеально соответствует теоретическим построениям Ильича? Я имею в виду Китай. Дело в том, что сейчас он находится на пороге буржуазной революции. Но ведь устраивать следующую за ней пролетарскую надо достаточно быстро, пока власть буржуазии не окрепла! Вам, как комиссару по национальностям, будет проще развернуть соответствующую работу. Думаю, на днях вы получите соответствующие указания от исполкома Коминтерна.

Сталин усмехнулся — к руководству этой организации он относился без малейшего пиетета.

— И вот вам еще записка от Лапшинской с собственноручной припиской Владимира Ильича,— продолжил я.— А от себя добавлю, что готов вам в этом

всячески содействовать. Всячески — это значит без ограничений, имейте в виду.

Дальше мой путь лежал по диагонали через весь Зимний, то есть в малый императорский кабинет — в процессе законотворчества Гошу занесло малость не туда. Подождав минут пять, пока оттуда не вышел Столыпин, я вошел к доживающему свои последние дни самодержцу всероссийскому. Нет, помирать он вовсе не собирался, но с пятнадцатого мая вступала в силу конституция.

— Привет,— приподнялся он из-за стола,— ну, как там у тебя с товарищем Сталиным?

— Сплюнь, взглядишь, рано еще,— предложил я,— давай лучше про твое художественное творчество поговорим. Вот это — как понимать? — Я протянул ему проект его же указа о регламентации страхового дела в России.

Гоша посмотрел. Раздел «Страхование вкладов» был подчеркнут зеленым фломастером и снабжен многочисленными вопросительными знаками. Раздел же «Страхование сделок» был похерен.

Тут надо сделать небольшое отступление. Вообще-то в русском языке буква «херь» стоит в одном ряду с такими заменителями всем известного понятия, как «хрен» и в какой-то мере «фиг». То есть посылать можно на любой из этих трех адресов, чай, посылаемый и сам догадается, что его послали на четвертый. Но глагол «похерить» стоит особняком. Попробуйте образовать аналогичное слово с корнями «фиг», «хрен» или даже с тем, что можно писать только на заборах и в интернете, а на бумаге нельзя. Фигушки! Нет такого слова. А все потому, что слово «похерить» насквозь цензурное и совершенно нормативное. Когда чиновник получал настолько бредовую бумагу, что у него даже

не было слов для комментариев, он просто перечеркивал весь текст жирным косым крестом, то есть буквой «херь».

Так вот, раздел «Страхование сделок» был мной похерен.

Гоша вопросительно посмотрел на меня.

Я отхлебнул уже притащенный мне кофе, закусил бутербродом с красной икрой (ну не люблю я черную, и что моя кошка в ней находит?) и начал:

— Страховка вообще-то вещь для экономики неплохая... Примерно как стрихнин. В правильных дозах может служить лекарством. А превысишь — сразу такая прибыль! Только не тебе, а похоронному агентству. Вот и давай подумаем, до каких количеств это можно кушать...

Итак, ты задумал что-то рискованное. Это вообще-то двигатель рыночной экономики — кто не рискует, тот не выигрывает, так? Естественный отбор. А он жестокая вещь, разориться вполне можно и насмерть, а вдруг это у тебя была не последняя идея, а только трамплин к действительно стоящей? Значит, тебя надо подстраховать, чтобы в случае неудачи ты не издох в канаве от голода вместе с семьей, а мог как-то питаться водой там и хлебушком, имел хоть какую-то конуру для жилья и минимум средств для начала нового дела. При таком раскладе ты десять раз подумаешь, лезть ли в сомнительные сделки...

— Предлагаешь отдать все страхование государству? — прищурился Гоша.

— Нет, слушай дальше. Предположим, ты — страховщик. И приходит к тебе кто-то с идеей, вероятность воплощения которой ты оцениваешь в пару процентов. Будешь ты его страховать? Нет, если не дурак. Но вдруг какой-то добрый Гоша разрешил регистрировать страховые обязательства как ценные бума-

ги — ох, тут такое начнется! Чем выше степень покрытия, тем больше спрос на такие бумаги, верно? Значит, она будет искусственно повышаться и скоро дойдет до ста процентов. То есть риск исчезнет! Но в природе, чтоб ты знал, действует закон сохранения. Страховка — это та же пирамида. Ты страхуешь насквозь сомнительную сделку. Чтобы при этом избежать риска, ты страхуешь собственную аферу у кого-то третьего, а тот третий — у первого, который и обратился к тебе за услугой... Понятно? Эта система может существовать только за счет непрерывного расширения. А потом дойдет до упора — и крах. То есть вместо всего здесь написанного я предлагаю установить, что страховое покрытие сделок — это два процента вложенного или одноразовая выплата в размере прожиточного минимума на месяц, на усмотрение страхуемого. Слово-то, кстати, какое! Нормальные так не кончаются.

Вернувшись в Гатчину, я позвонил в Георгиевск и поинтересовался, как там кот Рыжик — три месяца назад я стаскал его через портал и обратно, появилась у меня одна мыслишка...

— Жрет как крокодил, — сообщили мне, — а растет еще быстрее! Восемь килограммов, и ни капли жира! Такая зверюга получается...

Я давно обратил внимание, что воздействие портала на организмы варьируется довольно широко. Но почему-то в опытах на мышах такого разнообразия результатов не было! «А вдруг это связано с отсутствием у тех мышей мозгов?» — подумал я и устроил несколько экскурсий кошкам. И у меня сразу закралось подозрение, что направление улучшения организма при переходе сам организм и задает в виде своих себе пожеланий... Кошка — это очень тщеславное существо, так вот все, перемещенные через портал и обратно,

начинали резко хорошеть. Несчастный рыжий котенок, подобранный мной на помойке в Сергиевом Посаде, наверное, всю свою короткую жизнь мечтал, как когда-нибудь он вырастет большим и могучим... Интересно, в его понимании большой — это с собаку или с тигра?

Теперь понятно, о чем думал Фишман, перемещаясь из Гатчины в коттедж и обратно. А Мари и Танечка ходили за молодостью и красотой, так что теперь моя благоверная выглядит лет на сорок, если не принимает специальных мер, а если принимает, то на двадцать пять. Про Танечку же вообще лучше помолчать. Меня же в общем мое здоровье вполне устраивало и внешность тоже, так что я и застрял примерно в пятидесятилетнем возрасте...

В следующий поход беру с собой девонширского рекса, решил я.

ГЛАВА 4

Над тайгой летел автожир. Точнее, тайгой это было до сегодняшнего утра... А теперь прямо по курсу и на пару десятков километров вперед лес лежал. Слева поднимался в небо громадный столб дыма, хотя в данный момент он был в несколько раз меньше, чем утром. Чуть дальше были дымы поменьше — то есть просто лесные пожары. За спиной осталось парящее, как кастрюля с кипятком, таежное озеро.

Хоть кабина автожира и была открытой, там можно было сравнительно спокойно разговаривать, потому что пассажир сидел рядом с пилотом.

— Малость перестарался дядя Жора, — поделился с летнабом своими впечатлениями пилот, — объявили запретную зону радиусом в шестьдесят километров, а мы почти в восьмидесяти от эпицентра.

— Да что восемьдесят,— поддержал его наблюдатель,— на Ангарской базе две мачты повалило и пулеметную вышку, и волна была, как в океане. А это двести с гаком верст! Вот только зачем ты канцлера-то так, какой он тебе дядя?

— Самый настоящий,— пилот повернулся к соседу,— как и всем, кто с ним воевал. А у меня вообще он лично пилотирование автожира принимал!

— Правду говорят — суров?

— Брешут, собаки. Единственно что — пьяных ближе чем за километр от аэродрома не терпит, а так он добрый. И объясняет все хорошо. Синструктором у меня почти месяц взлет не получался, а с ним я за три раза понял, как надо.

— Так думаешь, это он устроил? Ученые на базе говорили, будто бы метеорит.

— Ага, и дядя Жора за полгода узнал, когда он свалится, а потом два раза сроки переносил. Что, метеорит ждал, пока у него все готово будет? Да и место указал почти точно.

— Вот именно, что почти, на десять километров южнее эпицентр был обозначен.

— А ты попробуй из Читы сюда выстрелить, посмотрим, насколько промахнешься. Хотя с таким рядом можно и на полсотни километров в любую сторону махнуть — разницы все равно никакой.

— Река! — указал вниз наблюдатель.

— Вижу. Эта, как ее, Хижма? Вон излучина приметная, над ней нам поворачивать. Ну если эти англичане оттуда ушли!

— Что «ну»? Искать тогда будем.

Автожир повернул направо и полетел над речкой, удаляясь от эпицентра.

— До места, где мы им позавчера велели остановиться, двадцать километров.

— Клали они на наше веление,— усмехнулся пилот,— вон смотри!

Примерно в полукилометре впереди было видно выкинутую на берег и разломанную лодку.

Около нее суетились и размахивали руками двое.

— И чего машут,— поморщился летнаб,— лучше бы ракеты пускали.

— Если они есть. Вон как им весь лагерь покорежило-то... Ладно, смотри, метров на двести западнее лодки явно можно сесть. Заодно посмотрим на того, про которого мы спорили. Ну и фамилия у человека — Скотт!

— Скотт,— уточнил наблюдатель.— И он точно профессор. Остальные-то понятно, шпион на шпионе, а этот настоящий ученый. Ну сам сообрази, откуда шпиону знать, как по латыни бурундук называется!

Автожир сел, метров десять проскользив по траве посадочными дугами. Заглох мотор, на землю прыгнул сначала летнаб с автоматом, за ним пилот. К экипажу машины уже бежали два англичанина.

— Здравствуйте, господа,— поздоровался с ними летнаб.— И что же вы добрых советов не слушаете? Остались бы там, где мы вам советовали позавчера, и было бы все в порядке. Ну куда вас, простите, черти понесли? Ясно же вам сказали: метеорит упадет.

— По вашим словам, он должен был упасть вчера днем,— поморщился англичанин.

— Ну так чего-то там не хватало для падения, подумаешь, задержался маленько. А где остальные члены экспедиции?

— Шелдон погиб. Профессор Скотт ранен, он в тяжелом состоянии, на палатку упало дерево. Медикаменты и почти все продовольствие смыло волной...

Наблюдатель открыл крышку в носовом обтекателе

автожира, достал из-под нее саквояж с красным крестом и предложил:

— Ведите к раненому.

У профессора оказались сломаны как минимум четыре ребра, причем было похоже, что осколки повредили легкие. Раненый дышал редко и неглубоко, на губах запеклась кровь, но он был в сознании. Летнаб передал автомат пилоту и занялся больным. Осмотрел повязки, сделал пару уколов и сказал:

— Его надо срочно эвакуировать, вырубите пару шестов для носилок.

— Уже сделано, — кивнул англичанин.

Второй подтащил носилки, сделанные из двух шестов и одеяла. Профессора осторожно, стараясь не менять его позу, положили на носилки и отнесли к автожиру. Пилот откинул спинку пассажирского кресла, отчего это место стало практически лежащим, после чего туда был положен раненый.

— Мои тамиясы... — слабо простонал он.

— Бурундуки, что ли? — изумился пилот.

— Да, это новый, неизвестный науке вид... белый бурундук, их удалось добыть сразу двух... их необходимо доставить... — Раненый потерял сознание.

— Ну вот, а ты говоришь, шпион, — попенял летнаб пилоту и обратился к англичанам:

— Господа шпио... то есть ученые, где тут профессорские звери?

Ему показали небольшую клетку, накрытую тряпкой. Наблюдатель снял тряпку, полюбовался на засуетившихся бурундуков, снова накрыл клетку и начал пристраивать ее в носовой обтекатель, на место медицинского саквояжа. Клетка не лезла, так что ее пришлось привязать. Так она оказалась наполовину торчащей наружу.

— А чего не в багажник? — поинтересовался пи-

лот.— И что ты их закрыл так быстро, они действительно белые?

— Не, серые. А в багажник их нельзя, это же рядом с движком, сдохнут от страха. Господа,— обратился он уже к англичанам,— я вам оставляю пакет первой помощи, там на все есть инструкции, два комплекта сухого пайка и вот эту карту. Смотрите, в сорока пяти километрах на юго-юго-запад есть небольшое озеро. Через три дня туда прилетит амфибия, собрать погорельцев вроде вас и доставить в Илимск. Оттуда будут рейсы в Иркутск. Ваши носильщики и проводник, я смотрю, уже приняли правильное решение?

— Еще вчера сбежали,— подтвердил англичанин.

— Вот видите, с понятием люди, не то что некоторые. Кстати, вон там, впереди, где река поворачивает, наверняка волной на берег рыбы накидало. Соберите, небось еще не протухла. Оружие есть?

— Один карабин.

— А больше вам и не надо. Да, есть к вам маленькая просьба. Тут где-то недалеко еще и французская экспедиция бродит, изучает язык эвенков. Так вот, если встретите, передайте, чтобы они тоже к тому озеру двигали, а то мы их никак найти не можем. Ну до свидания, успехов вам в вашей научной деятельности!

Автожир улетел, унося с собой профессора Скотта и его белых бурундуков.

— Сэр, вы верите, что это был метеорит? — спросил ранее молчавший второй англичанин у первого.

— Верить или не верить я буду не раньше, чем мы выберемся из этой чертовой тайги и окажемся как минимум в Иркутске! Так что, Генри, давайте собираться. Если мы опоздаем, вряд ли русские будут долго ждать нас у того озера. А самим нам отсюда и за год не выбраться.